

ВЛАДИМИР СТРОКОВСКИЙ

Философия диктатуры

Моск. новости. 1998.
— 12-19 апр. — с. 30

Валерий Гергиев в интервью «МН»

Гастроли Мариинки в Москве завершены. Спектакли принимались по-разному: успех вагнеровских постановок был велик, тогда как «Катерина Измайлова», в силу традиционно настроенного отношения публики к опере XX века, прошла хуже.

Взаимное доверие руководителей двух Императорских театров, похоже, безгранично: обменявшись вначале балетными, а сейчас и оперными труппами, Владимир Васильев и Валерий Гергиев передали друг другу и ключи от личных кабинетов. Руководитель Мариинки принял меня в кабинете худрука Большого. Для него гастроли в Москве — уже пройденный этап, оценку которого он оставляет критике. Полгода назад на вопрос о новых обязанностях, связанных с назначением главным приглашенным дирижером «Метрополитен-Опера», Гергиев ответил: «Подтянуть Мариинку до уровня «Мет», залучить лучших певцов».

— Что уже сделано для этого?

— Пройдены определенные шаги по техническому перевооружению театра, его структурной реорганизации. Из певцов ждем Пласидо Доминго летом на «Белые ночи». До «Метрополитен» я работал в «Ла Скала» и «Ковент-Гардене»; присматривался, что можно перенять...

— Например?

— Есть такое слово «маркетинг», умение продавать билеты с выгодой для театра. Не знаю, как в Большом, но мы, как мне иногда кажется, работаем для перекушников всех мастей, стоящих вокруг театра.

— В «Мет» вы восстанавливали «Бориса Годунова». Насколько велика разница в подходе к нашим операм здесь и за рубежом, в частности, насколько жизнеспособно пресловутое модернистское прочтение?

— Я не придаю особого значения этой работе, «Годунов» — старый спектакль; что сейчас действительно важно, так это «Летучий голландец». Вообще же модернизм модернизму рознь. Я не стремлюсь сделать модернистскую постановку «Хованщины», мы даем ее в том виде, который сохраняется десятилетиями.

— Насколько актуальна идея сохранения старых постановок, скажем, в «Ла Скала»?

— Они тоже сохраняют старые спектакли, привлекавшие все лучшее — например Мария Каллас, не будучи итальянкой, стала явлением итальянской культуры. Мы были закрыты от мира — и в этом тоже, наверно, ничего страшного нет: сложилась своя традиция.

— Бытует мнение о «балетцентризме» нашего музыкального театра при общемировом тяготении к опере.

— Да, в России балет любят.

— Служит ли вокальное отделение Петербургской консерватории своеобразным «инкубатором» для Мариинского?

— Консерватория дает неплохие результаты; но мне кажется, что все решает доводка в театре. На курсе Римского-Корсакова будем слушать новых певцов. Мы организуем в рамках театра небольшую академию для молодежи — чтобы они были более сплоченными в огромном Мариинском.

Но самое серьезное все-таки — техническое перевооружение театра и создание на его базе культурного комплекса по примеру «Метрополитен». В Мариинке

это реально возможно, но это должно стать не только делом жизни отдельных людей, но и государственным вопросом в целом. Для Петербурга важнее всего — культура. Там, где культура в порядке, там...

Тут зазвонила «вертушка». «Да... Его нет... Гергиев... Гергиев Валерий Абисалович... Я руководитель Мариинского театра из Петербурга, а Васильев сейчас там; у нас обмен оперными труппами...» После двухминутного объяснения мастер положил трубку; я не стал уточнять, что бывает там, где культура в порядке.

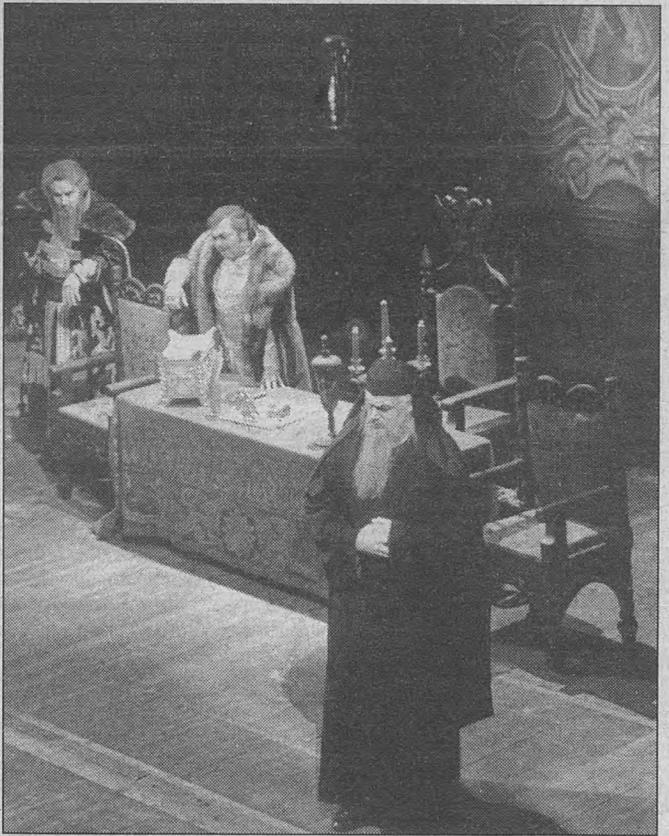
— При работе над операми Вагнера вы поставили своих подопечных в экстремальные условия, в которых им надо было заново учиться жить. Теперь обращением к творчеству Верди вы учите настоящего петь?

— Нет, я никого не учу — мне бы самому поучиться у Вагнера и Верди. Не думаю, что обращение к Вагнеру исключает обращение к Верди, и наоборот. Мы показали пять опер Верди, две — Вагнера; у нас есть и

русские оперы, которые неплохо идут. Надо делать свое дело, а не выступать по этому поводу с заявлениями.

— Товстоногов говорил, что театр невозможен вне безусловного подчинения лидеру. У вас есть своя «философия диктатуры»?

— В театре нужны порядок и чувство ответственности. Мы ведь не картошку продаем, правда ведь? В театре должен быть человек, еще лучше — группа людей, которые благодаря своему авторитету, а не авторитарному стилю могут пробуждать у оркестра, у певцов, у артистов хора и, что еще труднее, у технических специалистов постоянное чувство ответственности за дело. Иногда любому руководителю приходится

Мероп МЕРДОБОВ

быть жестким, я не исключение. Время от времени надо делать то, что кем-то может быть расценено как жесткий стиль. Если я вижу, что кто-то хочет погреть руки на театре, мне нетрудно стать жестким. Давить или пугать незащищенных молодых и немолодых артистов — занятие скучное и дурное.

Товстоногов или Мравинский в нашем городе дали образцы того, что может называться искусством; все это помнят. Но сделано это было не потому, что они рывкали на кого-нибудь.

— После Москвы Мариинка отправляется в «Мет». Есть ли план этих гастролей?

— План такой: чтобы музыканты были здоровы. В оркестре много больных, и это мне не нравится больше, чем что-либо. Уже десятки не участвуют в московских гастроях; если бы два-три — у нас «скамейка» большая, нашли бы замену. Среди больных, что пугает больше всего, — лидирующие музыканты, уверенно ориентирующиеся в репертуаре. А Нью-Йорк... ну что Нью-Йорк, выступали мы уже там. Пускай молодые дерзают, это их шанс.

«Хованщина», показанная в Москве, идет в том виде, который сохраняется десятилетиями.

Юрий ВАСИЛЬЕВ

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ